

Юлия Шапич

О СКРЫТОМ В ГЛУБИНЕ:
ГЛУБИНА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОНЯТИЙНОЙ МЕТАФОРЫ
(РУССКО-СЕРБСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ)

Рассматриваются семантические и функциональные особенности лексемы и пространственного фрагментизатора (ПФ) *глубина* как компонента понятийных пространственных метафор в русском языке в сопоставлении с сербским. Анализируются субстантивные словосочетания с ПФ *глубина* в ситуации локализации непространственных понятий – эмоций, ментальных и психических состояний и т. п.: *глубина отчаяния, глубина чувств, в глубине души / дубина очаја, дубока осећања, у дубини (гну) душе*. Выявлены ассоциативные и коннотативные значения ПФ, актуализирующиеся в непространственных сферах. Показано богатство метафорического потенциала подсистемы ПФ.

Ключевые слова: понятийная метафора, глубина, пространственный фрагментизатор, локализация, когнитивная семантика.

The article deals with semantic and functional features of a lexeme and a spatial fragmentizer (SF) *глубина* 'space in the depths' as a component of conceptual spatial metaphors in the Russian language in comparison with Serbian. The article analyzes substantive noun phrases with the lexeme *глубина* in situations of localization of non-spatial concepts, such as emotions, mental and psychic states, e.g.: *глубина отчаяния, глубина чувств, в глубине души / дубина очаја, дубока осећања, у дубини (гну) душе* etc. The associative and connotative meanings of the lexemes, which are realized through the spatial metaphors, are described. This demonstrates the rich metaphorical potential of the SF subsystem.

Key words: conceptual metaphor, depth, spatial fragmentizer, localization, cognitive semantics.

1. ВВЕДЕНИЕ. Лингвистический интерес к пространственным метафорам укреплялся поступательно с развитием лексической семантики, психолингвистики, лингвокультурологии, наконец, когнитивистики. Исследования живых, генетических, а особенно концептуальных (понятийных) метафор в разных языках вывели это языковое явление на уровень феномена сознания, подтверждая актуальность данной темы (TALMU 1983; СКЛЯРЕВСКАЯ 1993; АПРЕСЯН 1993; ЛАКОФФ – ДЖОНСОН 2004; ПАДУЧЕВА 2004; КЛИКОВАС 2004; 2018; КЛИМЕНОВА 2009; КОВЕЧЕС 2010; СОСНИН 2017; НОВИЦКАЯ 2019; БОГЕТИЋ 2020 и другие. Некоторые ученые выделяют даже новое направление в лингвистике – лингвометафорология (КРАВЦОВА 2017).

С другой стороны, изучение пространственных метафор тесно связано с исследованиями языковых средств объективации семантической категории пространства. В одном из таких исследований, сопоставившем в русском и сербском языках подсистемы пространственных фрагментизаторов (ПФ) – именных средств категории пространства со значением неотъемлемой части целого – нами были системно описаны, с понятийно-терминологической опорой на лингвистическую модель семантических локализаций П. Пипера

(1988; 2005; 2001 и др.), функции ПФ в конкретно-пространственной сфере, тогда как непространственная область употребления ПФ была лишь затронута (Шапич 2018). Однако работа с корпусом указала на высокую номинативную значимость ПФ за пределами категории пространства – как строительных элементов метафорических конструкций. Настоящая работа ставит задачей продемонстрировать богатство метафорического потенциала не изучавшихся ранее в данном свойстве элементов подсистемы ПФ.

2. ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ. Предметом работы являются компоненты понятийных метафор в русском языке в сопоставлении с сербским, представленные лексико-семантическими вариантами лексемы, т. е. единицы подсистемы ПФ *глубина* / серб. *дубина*, *дно*, употребляемые в русском и сербском языках для выражения абстрактных понятий – психических состояний, эмоциональных и мыслительных процессов и временных отрезков, в таких контекстах, как: *Встает из глубины памяти моя встреча* (М. Цветаева. Нездешний вечер)¹. Пространственно-ориентационная роль ПФ *глубина* рассматривается в словосочетаниях *глубина анализа, глубина бытия, веков, веры, восприятия, глубина глубин, знаний, личности, памяти, тьмы, отношений, отчаяния, падения, поражения, ума, чувств; мрачная, неизмеримая, полная, философская, эмоциональная глубина; в глубине души, из глубины души, до глубины души; чувство глубины, с претензией на глубину* и др. / *дубока анализа, дубина њосњојања, векова, вере, њерњејњије, дубока знања, личносњи, сећања, њамае, односа, очаја, ниско њасњи, дубина њораза, дубок ум* (в отличие от **дубока њамей*), *дубока осећања; мрачна, неизмерна, крајња дубина (дно; дно дна), филозофска, емоњивна дубина; у дубини душе (дубоко у души); из дна душе, до дна душе; осећај дубине, са њрењензијом на исњрињосњи* и др.

3. КОРПУС И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ. Релевантные именные конструкции с компонентом *глубина* выделены из языковых корпусов (см. *Источники*); кроме 26 перечисленных выше русскоязычных словосочетаний, в основном субстантивных генитивных (*глубина ума*) и атрибутивных (*философская глубина*), к которым даются сербские эквиваленты, рассматриваются также местоименные синтагмы (*такая / его глубина*); примеры рассматриваются на фоне семантической вариативности (*глубокий, вглубь*). Имея в виду неисчисляемость метафор и искусственность четких разделений между языковыми категориями, особенно на уровне семантики, выборка исходит из принципа наглядности реализации метафорического (производного, в отличие от производящего) значения, т. е. двуплановости, отклонения лексемы от денотативного значения (его удвоения); она также подчиняется объему данной работы. Учитывая структуру материала, в сопоставительном описании используется интегративный подход, включающий традиционные термины и понятия лексической семантики с элементами когнитивно-семантического и лингвокультурологического анализа и комплементарный понятийно-тер-

¹ Здесь и далее ссылки на примеры из электронного корпуса для компактности текста ограничены именем автора и наименованием произведения. Электронные адреса корпусов даны в разделе *Источники*.

минологический аппарат теории семантических локализаций (PIPER 2001), положенной в основу выделения ПФ как ориентиров (ШАПИТЬ 2018).

4. От пространственной локализации к метонимии и метафоре. Как известно, в основе метафоры лежит «наивная» картина мира (т. е. пространства) и семантика лексических единиц и синтаксических конструкций (АПРЕСЯН 1995: 56–57; 1997), и именно они находятся в фокусе нашего внимания, включая коннотативные и ассоциативные значения, которые играют важную роль в формировании метафорического образа (ШМЕЛЕВ 1977: 83; АПРЕСЯН 1995: 8; ПАДУЧЕВА 2004: 192).

ПФ *глубина* и *дубина* рассматривались нами как ориентиры в ситуации пространственной локализации в системе с ПФ *верх, низ, сторона, внутренность, поверхность, середина, край* и т. п. (ШАПИТЬ 2018), в неградуальном подзначении ‘пространство в глубине’, которое в БАС соседствует с параметрическим ‘протяженность по вертикали сверху вниз’. Согласно ориентационному критерию и учитывая выявленные парадигматические отношения (квази)синонимии с лексемой *низ* и (квази)антонимии с единицами *высота* и *вышина* (‘протяженность снизу вверх’), ПФ *глубина* отнесен к семантической оппозиции ‘верх’ – ‘низ’. Установлено, что в сербском языке диапазону употребления ПФ *глубина* со значением ‘низ’ соответствуют в основном *дубина* и *дно*, а в ряде случаев – предложные, адъективные, адвербиальные средства изофункциональных пространственных подсистем как единственно возможный или предпочтительный в данном языке и контексте вариант – *из глубины души / из дна душе, дубоко у души; глубина падения / дубина њага, ниско њасѝи; в глубину ночи / дубоко у ноћ* и т. д. Диффузность параметрических и непараметрических признаков единиц *глубина* и *дубина*, смещение параметров локализованности объекта ‘внизу’, ‘сзади’, ‘на удаленности’, ‘внутри’, предрасположенность к метонимическим сдвигам и метафорическим переносам вынужденно растягивали рамки заданного ориентационного критерия, требуя постоянных оговорок.

Предрасположенность к смещению значений диктует необходимость обратиться прежде всего к метонимии. Родственные метафоре метонимические сдвиги, под которыми традиционно подразумеваются переносы по смежности и которые Е. В. Падучева в свете когнитивистики формулирует как «сдвиги фокуса внимания при концептуализации реальной ситуации» (2004: 190), наблюдаются у компонента *глубина* еще в рамках предметного пространства: *на глубине моря 3 м – в морских глубинах / на губини мора од 3 м – у морским дубинама*. Метонимия сопровождается изменением порядка следования синтаксических аргументов, обуславливающих их рокировку, редукцию, смещение сферы действия предиката; ее характеризует усеченность (РАХИЛИНА 2008: 142; СОЛОДИЛОВА 2017: 55). В нашем случае также происходят сдвиги с параметра на пространство – *рыбы в глубине / рибе у дубинама* и с параметра на его крайнюю точку – *обломки судна на глубине / крхойшине брода на дну*, которые при этом часто сопровождаются меной ориентационного критерия, т. е. утратой признака вертикальности² – *в глубине*

² Роль наблюдателя иллюстрирует пример *канавы* – она имеет *высоту*, если нужно из нее выбраться, и *глубину*, если смотреть сверху (подробнее об этом в АПРЕСЯН 1995: 59). Так же,

зала / у дну сале. Кроме того, метонимия, как подмечает К. Расулич, создает ситуативную обусловленность значения, навязывая ту роль, по которой далее трактуется все явление (RASULIĆ 2010: 65–67).

В свою очередь, метафора, направленная на поиск аналогии, подчиняется не «логике здравого смысла», а «логике воображения» (СКЛЯРЕВСКАЯ 1993: 26). Механизм метафоры заключается в изменении таксономического класса наименования, основанном на устранении ряда сем, категориальном сдвиге как нарушении категориальных ограничений синтаксических аргументов предиката (ПАДУЧЕВА 2004: 190–191; РАХИЛИНА 2008: 144). Синтаксическая структура метафор в основном соответствует исходной и может, подобно первой, осложняться метонимией – в нашем случае, *оценить глубину морального падения* ('места / крайней точки шкалы глубины', не *падения* как процесса) / *увидејти колико је неко ниско пао*. Как отмечает Е. В. Падучева, в современных работах метафора выступает в двух основных видах (2004: 201): во-первых, это метафорические выражения, основанные на категориальном диссонансе компонентов – *небо = бездна / небо = бездан*, а во-вторых, это концептуальные метафоры, выражающие семантические категории, не имеющие иного способа объективации, кроме языка пространства, такие, как *время – из глубины веков / из глубине векова*. В нашей работе рассматриваются метафоры концептуальные, хотя релевантным для сопоставления является общий критерий наличия у метафоры семантической двуплановости, т. е. вторичной номинации.

5. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ. Структура конструкции ставит вопрос о семантической сочетаемости компонентов. Описывая сочетаемость прилагательного *глубокий* с предметной лексикой, Е. В. Рахилина выделяет классы денотатов наименований предметов: емкости (вместительности) и вещества-слои (2008: 124). Наименования эмоций, состояний, познавательной деятельности, по ее словам, обладают валентностью «содержимого» (РАХИЛИНА 2008: 147–152). И хотя существительные категориально отличаются от прилагательных (о различиях уровня категории Вежицкая 1999), *глубина / дубина* рассматриваются нами как функционально-семантические варианты адъективной пространственной подсистемы, т. к. они проявляют схожие сочетаемостные характеристики. Вариативность отражается в транспозитивности, хотя и ущербной: *глубокой ночью* (в *глубоких мыслях*), *глубина ночи (мыслей)*, *ночная глубина* (нетипично **мысленная глубина*), *шагнуть вглубь ночи* (нетипично **вглубь мыслей*), *глубоко в ночи (мыслях)*, *углубиться в мысли* (нетипично **углубиться в ночь*), *глубокомысленный* (нетипично сращение с *ночь*) / *дубоко у ноћи* (у *дубоком мислима*), *дубина ноћи* (*дубина мисли*), *мисаона дубина* (нетипично *ноћна дубина*), *дубоко у ноћ* (у *мислима*; в сербском отсутствует прямой эквивалент

мысленно «повернув» пространство, наблюдатель наделяет *глубиной сцену, зал* и т. п. Важнее критерия вертикальности кажется принадлежность денотата к топологическому типу (ТАЛМУ 1983; Ляшевская и Рахилина 2007; Рахилина 2008): так, *глубина ямы* подразумевает пространство, локализованное по вертикали, *глубина сцены* – локализацию по горизонтали, а *глубина щели* может указывать на локализацию внизу, сбоку и даже наверху.

директивного наречия/предлога *вглубь*), *дубоко у ноћи* (у мислима), *угубићи се у мисли* (*дубоко се замислићи*; невозможно **угубићи се у ноћ*). Прослеживается и зависимость от размера: именам с денотатами сравнительно небольшого размера не свойственна сочетаемость с единицами *глубина/дубина*: *глубокий стакан* (*тарелка, кастрюля, сапог*) – **глубина стакана* (*тарелки, кастрюли, сапога*) / *дубока чаша* (*шањир, шерѝа, чизма*) – **дубина чаше* (*шањира, шерѝе, чизме*).

6. РЕЛЕВАНТНЫЕ ПОДЗНАЧЕНИЯ КОМПОНЕНТА *ГЛУБИНА* И ТРУДНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ. В пространственных метафорах компонент *глубина* фигурирует как ‘протяженность в глубину’ и ‘пространство в глубине’ (в функции ПФ). Эти созначения синкретичны; зыбкая граница между ними сводится к тому, что при первом типе значения реализуется сема предельной степени параметра по модели ‘параметр’ – ‘высокая степень свойства по этому параметру’ (Апресян 1995: 203), т. е. объект локализуется на максимальном расстоянии от наблюдателя внутри локализатора – *до самой глубины подсознания*, а второй ограничивается общим указанием на удаленную внутреннюю локализованность объекта – *(где-то) в темных глубинах психики*. При этом часто сообщается, что размер локализатора «больше нормы» (*необычайная, огромная, приличная глубина*, а в сербском *максимална, крајња*). В сербском эти два значения, говоря условно, дифференцированы более четко, употреблением ПФ *дно* при указании на предельную удаленность объекта – *у дну видика* ‘в глубине горизонта’. В отличие от русского языка, где *дно* относится к топологическому типу поверхности, в сербском ПФ *дно* может уподобляться вместилищу: *Доле, у неодређеној дубини дна, назире се сенка бродске шкољке...* ‘в неопределенной глубине дна...’ (Д. Киш. Пешчаник). На свойство вместилища указывает и предлог ‘в’: *Милош осећи у дну срца да се речење зајонејке налази у њо неколико редова* ‘почувствовал в глубине сердца...’ (М. Ускоковић. Дошљаци).

6.1. ‘Протяженность в глубину’. На значение предельности указывают определения *наибольшая, полная, предельная глубина, во всю глубину / највећа, максимална, крајња, целом дубином* или, парадоксально, акцентирующие безрезультатность поиска дна эпитеты *безграничная, неизмеримая, неизмерная, недостижимая, глубина бездны / безгранична, неизмерна, недостижна, дубок бездан*, дейктики *такая / онаква* и т. п.: *Милий Алексеевич, сознавая всю глубину своего дурацкого положения, улыбался соответственно* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).

С полисемией, типичной для параметрической категории (Гортан-Премк 1997: 106; Семенова 2000: 120), в нашем случае, одновременным обозначением и параметра, и его большего полюса, связаны особенности при указании меньшего, оформляющиеся как отрицание или редукция степени – *неглубокий*. Так, и в русском, и в сербском **мелкая глубина* / **иљийка дубина* – оксюморон. Но если в русском данный запрет сохраняется и в метафоре – *идеи небольшой глубины* – *неглубокие идеи* (невозможно **мелкие идеи*), то в сербском он пропадает, не препятствуя сочетаемости с ‘мелкий’: *иљийке идеје, иљийак ум* (*идеи*), *иљийка знања, иљийак човек* (ср. недопустимые в русском

**мелкий ум, *мелкие знания, *мелкий человек* ‘неглубокого ума’). Стяжения он отличается глубиной, он глубокий человек / *дубокоуман човек, дубокої ума* (в сербском нетипичны примеры **одликује ја дубина, ?дубок човек*, хотя возможен *дубок познавалац*) демонстрируют осложнение метонимией с редукцией компонентов ‘человек, знающий больше нормы’, но отнюдь не **‘человек больше нормы’* по размерам. Факт метонимии, где часть управляет целым (*глубина эмоций*) или целое выражено адъективно (*эмоциональная глубина*), дополнительно акцентирует и профилирует часть (ср. *глубокие эмоции*). Следует добавить, что и обратный вариант, с подразумеваемой частью – *его знания поражают* ‘глубина его знаний’ – «тенью» сопровождает абстрактные понятия *ум, память, знания* и др., учитывая, что целое является совокупностью частей, выдвигаемых на передний план говорящим по мере прагматической надобности.

6.2. ‘Пространство в глубине’. В рамках неградуированного подзначения ‘пространство в глубине’ рассматриваем метафоры: *из ночных глубин, в глубине тьмы, глубина глубин, тишины, мрака; ощущение глубины, с претензией на глубину / из глубине ноћи, у дубокој њами* (мрак в сербском обычно ‘густой’), *дубока њиџина, осећај да је нешто дубоко, њрејенциозно* (са *њрејензијом на исцрпносћ*). Здесь *глубина* и *дно* не всегда синонимы: *Вчера лег – и тотчас же канул на сонное дно... И вот медленно всплываю со дна вверх и где-то на середине глубины открываю глаза: моя комната...* (Е. Замятин. МЫ). Значения реализуются за счет лексико-семантической вариативности внутри предложно-падежных конструкций – так, фразеологизм *в глубине души* предполагает более общую локализацию, чем *до глубины души*, где синтаксикой акцентируется предельная степень удаленности, что подтверждается различной переводной эквивалентностью в сербском: *у дубини душе* и *до (из) дна душе* (о «геометрии» русской души см. также Ермакова 2000: 295–296; Арутюнова 2000; Шмелев 2000). Значение метафоры ближе дифференцируются суммой слагаемых, в частности, *ночь, тишина, мрак, сон* и другие «глубиносодержащие» сущности концептуализируются как непредельные, что подтверждается нетипичностью сочетаний **у дну ноћи, *на дну њиџине* в сербском языке.

7. СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПОЗИЦИЙ. В структурной организации системы ПФ в виде эквиополентных и привативных семантических оппозиций ПФ *глубина* в предметно-пространственной сфере рассматривался в рамках оппозиции ‘верх’ – ‘низ’.

7.1. ‘Верх’ – ‘низ’. Критерий вертикальности прослеживается и в метафорах эмоций и состояний, где локализованность ‘внизу’ соответствует негативной коннотации (Лякофф – Джонсон 2004: 35–45): *глубина отчаяния, быть повергнут в глубокое отчаяние, глубоко отчаяться / дубина очајања, њасћи у дубоко очајање, очајаваћи* (в сербском не характерно с *дубоко*); ср. также *глубина поражения, разочарования, переживаний, трагедии* и др. (Квази)антонимомом *глубина* в данном случае выступает не *поверхность*, не *близость* и не *центр*, а *высота*: *Философ... утверждал, что ценность человеческой души можно познавать по глубине ее падения и по высоте взлетов*

(А. Куприн. Яма). ‘Внизу’ локализуются денотаты лексических единиц *ад, преисподняя, бездна, подземелье, пропасть* с валентностью глубины, которая в сербском часто отождествляется с *дном*: ...*Слаба њлајџа, чији је њојриличан гео њрошцио на алкохол, вукла ња је најрошив дну* ‘бедная зарплата ... тянула его ко дну’ (А. Тишма. Употреба човека); см. также пример Д. Гортан-Премк *људи с дна* (1997: 107). Вертикаль составляет структуру религиозных представлений (ЕРМАКОВА 2000: 294) и социальной организации общества: *Движение пошло, не останављиваясь, вглубь и дошло до самых глубин народа* (С. Веселовский. Дневник). Ослабление значения ‘наверху’ за счет усиления значений ‘внутри’ и ‘далеко’ приводит к тому, что глубиной в представлении носителей обоих языков наделяются денотаты перевернутых емкостей *небо, небосвод, вселенная, космос* и сербские эквиваленты: *Дођи из дубине небеса, моћна њишцио...* ‘приди из глубины небес’ (Ф. Давид. Ходочасници неба и земље).

Критерий вертикальности становится нерелевантным в метафорах времени с его концептуализацией как горизонтального линейного пространства, которые Дж. Лакоф называет «метафорическим сценарием» (на материале сербского языка см. КЛИКОВАС 2004: 115–123). С помощью ПФ *глубина* давнее прошлое локализуется как место на большой удаленности от центра/наблюдателя: *Следы первого человека, высеченного розгами, теряются в глубине истории* (В. Быков, О. Деркач. Книга века); *Нећу улазити у дубине векова* ‘не уходя в глубину веков’ (Д. Киш, *Номо poeticus*).

7.2. ‘Близость’ – ‘удаленность’, ‘внутренность’ – ‘поверхность’, ‘центр’ – ‘периферия’. В рассматриваемых метафорах прослеживаются по крайней мере еще три семантические оппозиции. Это прежде всего ‘близость’ – ‘удаленность’: *глубина бездонная, бесконечная, далекая / бескрајна, бесконачна, ?далека*. В сербском языке, как отмечалось выше, *дном* может быть ориентирован *горизонт*: *Исиод лука се видело, у дну видика, њарче модре Дрине...* (И. Андрић. Мост за Жепи), в то время как в русском с горизонтом, когда он не концептуализируется как линия (*на горизонте*), сочетается *глубина* – в *глубине горизонта*. Реализуется также оппозиция ‘внутренность’ – ‘поверхность’ (*внутренняя глубина / унујрашња дубина*): *Зло есть знак того, что есть внутренняя глубина в человеке* (Н. Бердяев. Мирозерцание Достоевского). Данная оппозиция проявляется и в том, что лексикализованная форма *глубинка* ‘провинция’ в сербском языке представлена эквивалентом *унујрашњосић*, букв. ‘внутренность’. Удаленность от наблюдателя вниз, вдаль, ввысь актуализирует еще одну, антропоцентричную оппозицию ‘центр’ – ‘периферия’, где центром является сам наблюдатель или его альтер эго: *Можда су дубине васионе и дубине наше душе само две сијране једне истје реалности* ‘глубина вселенной и глубина нашей души’ (В. Јеротић. Човек и његов идентитет). Учитывая топологию и функциональные свойства емкостей, синтезируется специфическая оппозиция ‘в глубине у дна/на дне’ – ‘у/под/на поверхности’. Так, *глубокому уму, анализу, чувствам* и т. д. противопоставлены *поверхностный ум, анализ, чувства*. В русском языке ПФ *поверхность* в адъективном функционально-семантическом варианте участвует и в предметно-пространственной, и в непространственной локализации: *поверхностное течение* и *поверхностное чувство*. В отличие от русского, в сербском

дериваты *йоврщина* (*йоврщински слој*, *чисџиџи йоврщински*) соотносятся паронимически с именами психических характеристик: *йовршан ум*, *йовршносџ знања*.

8. Ассоциативные и коннотативные значения. Опускание локализатора и «высвечивание» ПФ происходит не только по причине ясности первого из контекста. Явление, о котором сообщает говорящий, может быть еще не классифицировано им самим, представляя собой пучок неясных связей и ассоциаций (*глубина глубин*); в лучшем случае устанавливаются лишь внешние рамки феномена: *глубина человека* (характера? ума? души? сознания?): *Это не был страх, это было что-то другое, – тёмное и страшное, вырвавшееся из неведомых глубин* (В. Гладкий. Ниндзя в тени креста); *Смутные, мало-понятные пока образы вырвались из глубин памяти осколочными фрагментами – ещё не воспоминания о прошлом, но нечто близкое к ним, проходящее на уровне подсознания* (А. Ливадный, Дождь). Подобно тому как *внутренность* имеет грамматическую категорию множественности (ср. *внутренности* ‘внутренние органы’), *глубина* принимает форму *глубины* – возможно, по аналогии с названием «органов» восприятия абстрактных сущностей, в которых происходит упорядочивание хаотичных процессов. Отсюда стилистическое разграничение *внутренность* и *глубина* в русском языке – первая свойственна физиологическому, последняя – возвышенному.

«Склонность» к обслуживанию абстрактных имен связана с ассоциативными и коннотативными значениями лексем *глубина* / *дубина*. В числе потенциальных сем выделяются ‘невидимость’ и ‘сложность’. Прилагательное *глубокий* также участвует в метафорах препятствия и дистантного расположения (Рахилина 2008: 149–152). В сербском языке Д. Кликовац в контексте употребления *дубок*, *дубина* выделяет метафору ПОНИМАТЬ ЗНАЧИТ ВИДЕТЬ (Кликовац 2004: 141–142). Вода в мифологии воспринимается как вход в опасный потусторонний мир (Раденкович 2011). Ассоциации с водой в комбинации других признаков порождают оттенки неясности, непрозрачности толщи, затрудненной видимости далекого содержимого, о котором можно лишь догадываться, густоты, преграды; запутанности, неуверенности, ненадежности, невозможности, трудности, загадки, опасности (о связи размера и опасности Рязцева 2000: 111). Стратегия раскрытия сути явления состоит в *погружении* (Кликовац 2004: 39). Такое состояние, непривычное для человека, также сопряжено с затруднением видимости, так что суть явления, т. е. его наполнение (=глубина) окрашивается эпитетами *неведомая, неизведанная, недостижимая, неизмеримая, немислимая, непостижимая, мрачная, потаенная, темная, сокровенная, сумрачная, туманная / нейознайџа, неисџражена, недосџижна, неизмерна, незамисљива, нейојљива, мрачна, џајансљивена, џамна, скривена*. Ценность содержимого возрастает за счет наличия преграды (Розина 2000: 67): *Трагическая и возвышенная, она завораживала бездонной глубиной и печалью* (М. Залесская. Предсказанная любовь). «Привлекательности» глубины созвучны и ассоциации влечения/затягивания в омут, особенно в сербском языке: *Али џај џлас џа је џривлачио као дубина* ‘этот голос привлекал/тянул его, как глубина’ (И. Андрић. Травничка хроника); *Вуче џе дубина нейознайџој* ‘влечет/притягивает глубина

неизвестного' (Д. Великий. Руски прозор). На данном уровне прослеживается связь между пространственной метафорой и мифологической картиной мира с ее бинарными оппозициями *видимое / невидимое, внешнее / внутреннее, близкое / далекое, измеримое / неизмеримое* (Иванов – Топоров 1980: 451; Толстой 1995: 101–119; Раденкович 2011).

Аксиологическая оценка лексемы *глубина* в метафорах неоднозначна. И вновь обратимся к параметрическим прилагательным – Ю.Д. Апресян указывает на развитие у них оценочности по типу полисемии 'больше <меньше> нормы X-а' – 'положительная <отрицательная> оценка', где соотношение может быть и обратным (1995: 213). Об альтернативности квантификации 'ниже'/'выше' – 'больше' упоминает и Е.В. Рахилина (2008: 150), рассматривая модель Лакоффа и Джонсона 'выше' – 'больше'. Применительно к существительным к этой цепи можно добавить 'ниже'/'больше' – 'хуже', имея в виду *глубину преисподней*. Оценочность складывается из суммы значений: так, конструкция *с претензией на глубину* подразумевает умышленное преувеличение выдаваемого за действительное, маркированное негативно. Позитивно маркированы *глубина характера, души, ума, суждений*, негативно – *глубина разочарования, ненависти* и схожих чувств и состояний. Но последние не могут быть мелкими или мелочными, ср. **глубина жадности (трусости и т. п.) / *дубина алавости (кукавичлука)*.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, ПФ *глубина / дубина (дно)* являются частотным строевым элементом пространственных метафор и участвуют в объективации абстрактных явлений и состояний, концептуализирующихся как вместилища. В именной конструкции сохраняется схема пространственной локализации, в которой ПФ *глубина* является ориентиром, однако его «служебность» и «неопредмеченность» могут в разной степени ослабевать за счет развития у лексемы семантической двуплановости, особенно за счет проявления коннотативных и ассоциативных значений невидимости, сложности, опасности и др. Преобладающими значениями данного компонента в пространственных метафорах являются пространственные 'протяженность в глубину' и 'пространство в глубине', зачастую в синкретизме, что косвенно указывает на размер абстрактных сущностей «больше нормы» и их емкостную концептуализацию. В структуре семантических оппозиций, кроме основополагающей оппозиции 'верх' – 'низ', являются также 'близость' – 'удаленность', 'внутренность' – 'поверхность', 'центр' – 'периферия', о чем свидетельствует квазисинонимия *глубина* с единицами *низ (дно), удаленность, внутренность, периферия*, и квазиантонимия с единицами *высота, близость, центр, наружность*. Сопоставление с сербским языком помогает разграничить подзначения *глубина* благодаря семантическим вариантам *дубина* и *дно*, указывает на частотность субстантивных ПФ в русском языке и на присущую обоим языкам транспозитивность, высвечивая ряд несоответствий на уровне семантической сочетаемости: *в глубине горизонта / у дну видика, неглубокий ум / илийаак ум, поверхностный / йоврцински и йоврцини; глубокий человек / дубокоуман* и др. Являясь только одним из элементов подсистемы пространственных фрагментизаторов, ПФ *глубина* дает лишь частичное представление о функции подсистемы в пространственных метафорах в целом. Описание языкового

поведения остальных ПФ (*сторона, конец, середина* и др.) в метафорическом пространстве позволит укрепить и дополнить выводы на качественно ином, системном уровне, что и является перспективой дальнейшей работы.

ИСТОЧНИКИ

- Корпус савременог српског језика (SrpKor2013): <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/mainmenu.php>
 Национальный корпус русского языка (НКРЯ): <https://ruscorpora.ru/new/index.html>
 Онлайн-тезаурус Карта слов и выражений русского языка: <https://kartaslov.ru/>

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- АПРЕСЯН, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания* 3 (1993): 27–36. <<http://vja.ruslang.ru/ru/archive/1993-3>> 01.04.2021.
- АПРЕСЯН, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семиотика и информатика, Opera selecta, сборник научных статей* 35 (1997): 272–298.
- АПРЕСЯН, Ю. Д. *Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Москва: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- АРУТЮНОВА, Н. Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры, 2000: 368–384.
- БАС: Большой академический словарь русского языка: в 30 т. Т. 4. Санкт-Петербург: Наука, 2004–2017.
- БОГЕТИЋ, Ксенија Д. Вредносна димензија метафора у дискурсу: о могућностима споја теорије појмовних метафора и теорије вредновања. *Јужнословенски филолоџ* LXXVI/ 1 (2020): 123–142.
- ВЕЖБИЦКАЯ, Анна. Что значит имя существительное? (или: Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?). А. Вежбицкая. *Семантические универсалии и описание языков*. Т. В. Булыгина (ред.). Перев. И. Д. Шмелев. Москва: Языки русской культуры, 1999: 91–133.
- ГЖЕГОРЧИКОВА, Рената. Понятийная оппозиция верх–низ (пол. ‘wierzch’ – ‘spyd’) и языковая модель пространства. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры, 2000: 78–83.
- ГОРТАН-ПРЕМК, Даринка. *Полисемја и организација лексичкој сисџема у срџском језику*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1997.
- ЕРМАКОВА, О. П. Пространственные метафоры в русском языке. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры, 2000: 289–298.
- ИВАНОВ, В. В., В. Н. Топоров. *Мифы народов мира: Энциклопедия*. Т. 2. Москва, 1980: 450–456.
- КЛИКОВАЦ, Душка. Појмовне метафоре и семантика предлога: о једном апстрактном значењу предлога у са локативом. *Јужнословенски филолоџ* LVI/1–2 (2000): 521–528.
- КЛИМЕНОВА, Ю. И. Интегрированный подход к исследованию метафоры. *Известия Российской государственной педагогической академии им. А. И. Герцена* 96 (2009): 201–205.
- КРАВЦОВА, Ю. В. Лингвометафорология как новое интегративное направление в лингвистике. *Система і структура східнослов'янських мов* 12 (2017): 18–28.
- ЛАКОФФ, Джордж, Марк Джонсон. *Метафоры, которыми мы живем*. Перев. А. Н., Морозова, А. В. Баранов. Москва: Едиториал УРСС, 2004.
- ЛЯШЕВСКАЯ, О. Н., Е. В. Рахилина. Топология в классификации русских предметных имен. *Труды III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исто-*

- рические судьбы и современность»* (2007): 469–470. <<http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/15.pdf>>.
- Новицкая, И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики). *Язык и культура* 46 (2019): 76–101.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. *Высказывание и ее соотношенность с действительностью*. Изд. 6-е, испр. Москва: Издательство ЛКИ, 2010.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. «Метафора и ее родственники. Ю. Д. Апресян (ред.). *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. Москва: Языки славянской культуры, 2004: 187–203.
- ПИПЕР, Предраг. *Заменички џрлози у српскохрватском, руском и њољском језику (семантичка студија)*. Београд: Институт за српскохрватски језик; Библиотека Јужнословенског филолога, 1988.
- ПИПЕР, Предраг. Категоријални комплекс локализације – спацијалност. Предраг Пипер, Владислава Ружић, Срето Танасић, Људмила Поповић, Бранко Тошовић, Ивана Антонић. *Синџакса савремене српске језика: џроста реченица*. Београд Нови Сад: Институт за српски језик САНУ – Београдска књига – Матица српска, 2005, 771–830.
- РАДЕНКОВИЧ, Ј. Опасные места в славянской народной демонологии. *Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Людмилы Николаевны Виноградской*. Москва: Индрик, 2011: 73–88.
- РАХИЛИНА, Е. В. *Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость*. Москва: Русские словари, 2008.
- РОЗИНА, Р. И. Устранение преграды (семантика и аспектуальное поведение группы русских глаголов). Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры, 2000: 67–77.
- РСР: Богољуб Станковић (ур.). *Руско-српски речник*. Нови Сад – Москва: Будућност – Матица Српска – Русский язык, 1998.
- РЯБЦЕВА, Н. К. Размер и количество в языковой картине мира. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры, 2000, 108–116.
- СЕМЕНОВА, С. Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры, 2000: 117–126.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Наука, 1993.
- СОЛОДИЛОВА, И. А. Метонимия: границы феномена. *Вестник Оренбургского государственного университета* 1 (201) (2017): 53–57.
- СОСНИН, А. В. Когнитивная метафора как средство формирования концепта. *Историческая и социально-образовательная мысль*, Т. 9. № 1/1 (2017): 156–163.
- ТОЛСТОЙ, Н. И. *Језик словенске културе*. Прев. Људмила Јоксимовић. Ниш: Просвета, 1995.
- ШАПИЋ, Јулија. О просторним фрагментизаторима (на материјалу руског језика). *Славистика XXI/1–2* (2017): 124–130.
- ШАПИЋ, Јулија. О просторним фрагментизаторима са значењем ‘горњи део’ – ‘доњи део’ у руском језику у поређењу са српским. *Славистика XXIII/1* (2019): 134–141.
- ШАПИЋ, Јулија. *Просјорни фрајментизајори у руском језику у њоређењу са српским*. Докторска дисертација. Универзитет у Београду: Филолошки факултет, 2018.
- ШАПИЧ, Ју. Л. Пространственные фрагментизаторы со значением ‘край’ и ‘конец’ в непространственной функции (на материале русского и сербского языков). *Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV конгресса МАПРЯЛ 29 апреля – 3 мая 2019 года*, 2019, 1507–1512.
- ШМЕЛЕВ А. Д. “Широта” русской души. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры, 2000, 357–367.
- ШМЕЛЕВ, Д. Н. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Просвещение, 1977.
- ЯКОВЛЕВА, Е. С. *Фрагменты русской языковой картины (модели пространства, времени и восприятия)*. Москва: Гнозис, 1994.

*

KLIKOVAC, Duška. *Metafore u mišljenju i jeziku*. Beograd: Čigoja štampa, 2004.

PIPER, Predrag. *Jezik i prostor*. Beograd: Biblioteka XX vek, 2001.

RASULIĆ, Katarina. Aspekti metonimije u jeziku i mišljenju. *Theoria* 53.3 (2010): 49–70. <<https://doi.org/10.2298/THEO1003049R>>. 2.2.2021.

TALMY, Leonard. How Language Structures Space. H. L. Pick, L. P. Acredolo (eds.). *Spatial Orientation*. Boston, MA: Springer, 1983, 225–282. <https://doi.org/10.1007/978-1-4615-9325-6_11>. 2.2.2021.

Јулија Шапић

О САКРИВЕНОМ У ‘ДУБИНИ’: ГЛУБИНА КАО ЕЛЕМЕНТ ПОЈМОВНЕ МЕТАФОРЕ
(РУСКО-СРПСКА ПАРАЛЕЛА)

Резиме

У раду се разматрају супстантивне конструкције са структуром просторних израза и елементом *глубина* у значењу ‘простор у дубини’ у руском језику, односно, *губина* и *дно* у српском језику, које се јављају у саставу појмовних метафора и означавају апстрактне појмове из области емоција, психичких стања, мисаоних процеса и сл. Анализирана грађа је ексцерпирана из електронских језичких корпуса руског и српског језика, при чему су издвојени примери са синтагмама *глубина анализа, глубина бытия, веков, веры, восприятия, глубина глубин, глубина знаний, личности, памяти, тьмы, отношений, отчаяния, падения, поражения, ума, чувств; мрачная, неизмеримая, полная глубина; в глубине души, из глубины души, до глубины души / глубока анализа, дубина њосйојања, векова, вере, њерцејције, дубока знања, личностии, сећања, њаме, огноса, очаја, ниско њасџи, дубина њораза, дубок ум, дубока осећања; мрачна, неизмерна, крајња дубина (дно; дно дна), губина; у дубини душе (дубоко у души); из дна душе, до дна душе* и други.

Лексичка јединица *глубина* се у раду пореди са српским еквивалентима *дубина* и *дно* и анализира на неколико нивоа. Разматрају се оријентациона својства наведених лексичких јединица које у оквиру семантичке категорије простора могу вршити функцију просторних фрагментизатора (ПФ). Таква својства се анализирају кроз примарно просторну, али и пренету у непросторне сфере структуру семантичких опозиција ‘горњи део’ – ‘доњи део’, ‘унутрашњост’ – ‘спољашњост’, ‘центар’ – ‘периферија’, ‘даљина’ – ‘близина’. Синтагматска анализа обухвата питања семантичке спојивости именица са значењем просторног дела (ПФ) и осталих чланова конструкције, међу којима су и именице са значењем целине, те се констатује да је за денотате таквих именица карактеристична релативна величина и припадност тополошкој класи контејнера или слоја (напр. *у дубини душе*, где *дубина* врши функцију ПФ, док се денотат лексеме *душа* посматра као контејнер). Издвајају се и друга подзначења лексичких јединица са значењем ‘простор у дубини’ која су релевантна за разматрање овог градивног елемента појмовне метафоре и која у њој долазе до изражаја. Ту спадају и конотативна и асоцијативна значења лексеме као што су *сложеност, нејасност, њасност* и сл. Испитана грађа илуструје висок степен развијености просторне метафоре са учешћем компоненти *глубина* и *дубина (дно)* и у руском, и у српском језику. Метафоричке конструкције у оба језика карактерише висок степен сличности, али су констатоване и језичке специфичности у изражавању одређених апстрактних појмова (уп. *в глубине горизонта / у дну видика, неглубокий ум / њлиџак ум, поверхностный / њоврџински и њоврџни; глубокий человек / дубокоуман* и др.). Међујезичко поређење на нивоу елемента метафоре у облику лексеме са просторним значењем још једном потврђује транспозитивност и изофункционалност просторних подсистема, међу којима се издваја и именички систем ПФ, а примери појмовних метафора указују на богати метафорички потенцијал јединица подсистема ПФ и сведоче о њиховом успешном функционисању у непросторним сферама.

Руски центар за науку и културу „Руски дом”
Краљице Наталије 33, 11000 Београд, Србија
julija.sapic@gmail.com

(Примљено: 15. марта 2021;
прихваћено: 12. маја 2021)